

Владимир Янцен
**Философское творчество раннего Чижевского
и «Современные записки»**

**Искажение общей картины творчества Чижевского
из-за вытеснения «раннего» и «среднего» его периодов «поздним»**

Хотя биографии и творчеству русско-украинского философа, историка и слависта Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977) за последние десятилетия был посвящен ряд специальных исследований¹, в чижевсковедении еще немало белых пятен. Менее всего изучен ранний, философский период его творчества, связанный с гегельянством и феноменологией.

Упрощенная схема периодизации творчества того или иного автора на относительно самостоятельные «ранний», «средний» (или «зрелый») и «поздний» периоды довольно широко распространена. Как и всякая схема, она, конечно, искажает реальные процессы развития мысли, но все-таки отражает их гораздо ближе и точнее, чем, скажем, периодизация по «биографически-географическому» принципу, поскольку берет за основу развитие содержания творчества (степень его оригинальности и завершенности), а не какие-то случайные и побочные для него внешние признаки («Болдинская осень», «Пражский период» и т.п.). Очень хорошо эта схема работает, когда надо уточнить или исправить какие-то искажения в историографии того или иного вопроса, происходящие из-за одностороннего преувеличения значения одного периода как вершины творчества в ущерб другим периодам как своего рода лишь «ступеням» к этой вершине. Причины таких искажений могут быть самыми разнообразными: от естественной ограниченности живой памяти мемуаристов, нелюбознательности и недобросовестности исследователей до банальной недоступности и сокрытия источников из наследия того или иного автора. Однако новая общая картина творчества может возникнуть не только в результате открытия неизвестных ранее источников, но и благодаря новому пониманию его общего генезиса.

¹ См.: Пизюф Є. Дмитро Іванович Чижевський. Новий Ульм, 1955; *Vojko-Blochyn J. Dmytro Ivanovič Čyževskij*. Heidelberg, 1988; Записки обласної наукової бібліотеки імені Дмитра Чижевського. До 100-річчя дня народження Дмитра Чижевського / Сост. О. Чуднов. Кіровоград, 1994; *Kortхаазе В. Дмитрий Чижевский и Родина его выбора – Германия*. Берлин, 2003; *Валыко И. Д.И. Чижевский: жизненный путь и творчество* // НЖ. 2004. № 235. С. 216–240; Янцен В. Спаси, сохрани и освоить! О судьбе книжных собраний и архивов Д.И. Чижевского в Германии // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 / Под ред. М.А. Колерова. М., 2004. С. 232–278; *Dmytro Čyževskij, osobnost a dílo. Sborník z mezinárodní konference k 25. výročí úmrtí* / Red.: Z. Rachůnková, F. Sokolova, R. Šišková. Praha, 2004; Славистика. Т. I. Дмитро Чижевський і світова славистика / Ред. Р. Мних, Є. Пшеничний. Дрогобич, 2003; *Надьярных Н.С.* Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М., 2005.

Задавая вопрос о философском творчестве «раннего» Чижевского, мы затрагиваем ряд непростых проблем, связанных с биографией и наследием этого ученого, требующих некоторых предварительных разъяснений.

Дело в том, что Д.И. Чижевский, основная часть жизни которого прошла в эмиграции и память о котором в Германии, Чехословакии и США еще достаточно свежа среди его многочисленных учеников и коллег, даже в этих хорошо осведомленных кругах известен прежде всего по «позднему», послевоенному периоду своего творчества как именитый славист, историк литературы, автор учебников и исследований по древнерусской и русской литературе XIX–XX вв., сравнительному литературоведению, украинистике, русистике, богемистике и литературе славянского барокко.

Менее известен он на Западе и на родине по периоду расцвета своего творчества в 30–40-е гг. прошлого века как историк западноевропейской и славянской мысли, как активный деятель международного неогегельянского и феноменологического движения, составитель фундаментального сборника «Гегель у славян» (1934), автор классического труда «Гегель в России» (1934, 1939), автор книг и статей о чешской и словацкой философии, первооткрыватель и интерпретатор основного философского сочинения Я.А. Коменского «Пансофия», а тем самым и как один из родоначальников современной комениологии.

И почти совсем неизвестен он как философ-теоретик, один из талантливейших учеников В.В. Зеньковского, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Р. Кронера и С.Л. Франка, как автор оригинальной этико-онтологической системы, как ведущий сотрудник Русского философского общества в Праге, Пражского лингвистического кружка, планировавший вместе с Романом Якобсоном написать философскую работу «Диалектика языка», и как один из философских публицистов и рецензентов СЗ. Ничего не говорится о нем в исследовательской литературе и как об историке церкви и мистических учений, хотя, защищая в 1933 г. в Галле свою немецкую диссертацию «Гегель в России», он именно этот предмет сдавал как кандидатский минимум наряду с философией и славянской филологией и хотя почти треть его публикаций посвящена истории церкви и мистики.

Даже такие знатоки творчества Д.И. Чижевского, как его учитель В.В. Зеньковский и близкий друг Х.-Г. Гадамер, были почти незнакомы с его трудами по теоретической философии, философии языка, истории церкви и в своих мемуарах² и частной переписке³ способствовали распространению ложного

² «Меня всегда поражало в Чижевском то, что его колоссальные знания, его исторические интeресы убили в нем мыслителя. Филологическая стихия, очень яркая в нем (ср. его первоначальные этюды о Гоголе), помешала его философскому творчеству. Может быть, не хватило дарования? Может быть, но мне кажется, что потребность Д.И. все изучать (по латинскому рецепту: *quid novi?*) убила его собственное творчество» (*Зеньковский В.* Мои встречи с выдающимися людьми (Из архива прот. В. Зеньковского) // *Записки Русской академической группы в США.* 1994. Т. 26. С. 59).

³ «Он был совершенно иным типом ученого, собственно говоря, нефилософом. Разумеется, он принимал весьма живое и компетентное участие в философской жизни. Но настоящим его даром была чуткость и невероятная память на периферийные явления и побочные обстоятельства философской жизни» (из письма Х.-Г. Гадамера В. Янцену от 5 декабря 1990 г.).

мнения о том, что Чижевский якобы вообще не был оригинальным философом. Но совершенно иного мнения о нем был, скажем, такой авторитет немецкой систематической философии XX в., как Э. Гуссерль. Вот что он писал декану философского факультета Галльского университета М. Шнайдеру в ноябре 1931 г.:

До меня дошли сведения, что мой бывший ученик украинско-русского происхождения доктор Чижевский подал прошение о занятии галльского лектората славянских языков. Я позволяю себе обратить внимание Ваше и всего круга коллег, интересующихся философией культуры, с которым несколько месяцев назад я имел возможность познакомиться поближе, на эту необычайную личность. Это основательнейше образованный, самостоятельно мыслящий философ, исходя из своей славистики увлеченный преимущественно Гегелем и в то же время находящийся под влиянием феноменологии, при этом характеризующийся достойной удивления широтой учености, охватывающей различные области культуры. Не болтун! Спокойный, обращенный внутрь себя человек, который не только воспринимает, но и перерабатывает и у которого охотно учишься⁴.

Основатель современной феноменологии не кривил душой, он знал, о чем говорит, и по многолетнему опыту личного общения с Чижевским, и по чтению его философских работ (а то, что он «раннего» Чижевского читал, доказывают как его переписка с А. Койре⁵, так и поныне хранящийся в его личной библиотеке в Лувене сборник «Гегель у славян» и отгиски пяти философских статей Чижевского за 1929–1931 гг.)⁶.

Таким образом, совершенно понятная и легко объяснимая чрезмерная концентрация на «позднем» периоде творчества Чижевского как слависта и историка славянской мысли в мемуарах его коллег, друзей и учеников (а они, конечно, сообщают только о том Чижевском, которого знали из личного общения и из его последних работ) вольно или невольно искажает общую кар-

⁴ Из рекомендательного письма Э. Гуссерля, написанного при занятии Д.И. Чижевским вакантного места лектора русского языка в Университете города Галле (см.: ULB Halle. Rep. 21. Phil. Fak. III. Nr. 75).

⁵ В письме к А. Койре от 20 июня 1934 г. Э. Гуссерль пишет: «Читали ли Вы уже прекрасную большую работу Чижевского (Галле) “Гегель в России”?» (*Husserl E. Briefwechsel / Hrsg. von K. Schuhmann. Dordrecht, 1994. Bd. 3: Die Göttinger Schule. S. 362*).

⁶ Приводим полный список статей Чижевского, хранящихся в библиотеке Э. Гуссерля: 1) Skowroda, ein ukrainischer Philosoph (1722–1794). (Zur Geschichte der «dialektischen Methode») // Der russische Gedanke. 1929. H. 2. S. 163–176; 2) Hegel et Nietzsche // Revue d'histoire de la philosophie. 1929. Vol. 3. P. 321–347; 3) «Übermensch», «übermenschlich». Zur Geschichte dieser Wörter und Begriffe // Festschrift für Th. G. Masaryk. Bonn, 1930. Bd. 1. S. 265–269; 4) Hegel bei den slawischen Völkern // Verhandlungen des ersten Hegelkongresses vom 22. bis zum 25. April 1930 im Haag / Hrsg. von B. Wigersma. Tübingen [u.a.]: Mohr, 1931. S. 128–145; 5) Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij. Versuch einer philosophischen Interpretation // Dostojewskij-Studien. Prag, 1931. S. 10–50. Судя по цитируемому в примеч. 5 письму Гуссерля к А. Койре, у Гуссерля, помимо этих статей Чижевского, имелся также экземпляр сборника «Hegel bei den Slaven», вышедшего под редакцией Чижевского в 1934 г. и содержавшего его главное историко-философское сочинение «Гегель в России», на основе которого он в 1935 г. защитил в Галле свою немецкую докторскую диссертацию.

тину генезиса его творчества. А между тем без знания ранних философских работ ученого невозможно правильно понять и его чисто литературоведческие и историко-литературные работы. Ибо остается совершенно неясным, откуда, например, в его первых работах о Достоевском берутся постоянные параллели и сравнения с феноменологией, философией жизни и экзистенциализмом, а в работах о Гоголе — с традицией немецкой мистики и в какой связи эти работы состоят с его трудами по истории славянской и западноевропейской мысли.

О необходимости открытия раннего Чижевского заново

Только знакомство с личным архивом Д.И. Чижевского позволяет дать ответ на все эти вопросы. В течение последних 10–15 лет нам посчастливилось довольно детально ознакомиться с архивом и личной библиотекой Д.И. Чижевского (значительная часть последней, в том числе и многие оттиски его статей в СЗ, сейчас находится в собранном нами частном архиве русской эмиграции в городе Галле). Удалось также собрать и отчасти опубликовать его мемуары и переписку в книге «Д.И. Чижевский. Материалы к биографии»⁷, а в книге «Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов»⁸ попытаться с помощью архивного материала опровергнуть мнение о Чижевском как нефилософе. Выход в свет этих книг освобождает нас от необходимости останавливаться на вопросах биографического и фактического характера. Общий их вывод состоит в том, что как философ, историк мысли и литературы Д.И. Чижевский подлежит открытию заново, после чего он несомненно войдет в число важнейших русских философов XX столетия, займет одно из ведущих мест в истории украинской мысли и далеко не последнее место среди западноевропейских философов феноменологического направления.

Нереализованные замыслы Чижевского в контексте общего плана его исследовательской работы

Но открытие ученого и мыслителя Д.И. Чижевского заново требует изучения его биографии и творчества не только на основе печатных трудов (а он является автором около 1000 публикаций), но и на основе его обширной переписки⁹ и многочисленных работ, которые можно отнести к рубрике «нере-

⁷ См.: *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. / Сост., вступ. ст. В. Янцена. М., 2007. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977).

⁸ См.: Янцен В. Неизвестный Чижевский: Обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008.

⁹ За последние годы в деле издания эпистолярного наследия Д.И. Чижевского и его корреспондентов замечен явный прогресс; см.: *Рашковская М.А.* Письмо Б. Пастернака Д.И. Чижевскому [от 26.5.1959] // Дружба народов. 1990. № 3. С. 242–243; *Чуднов О.* Письма Д.И. Чижевского к А.В. Флоровскому (1937–1944 годы) // Записки обласної наукової бібліотеки імені Дмитра Чижевського. До 100-річчя з

ализованных или лишь отчасти реализованных творческих замыслов».

В чем основные причины того, что некоторые важные творческие планы Чижевского остались незавершенными или завершенными совсем не в том виде, в котором ученый намеревался их осуществить первоначально?

Первая причина, конечно, в неустроенности жизни эмигранта Чижевского, в сложности и абсолютно антитрадиционалистском характере эпохи, в которую он жил, в том, что ему то и дело приходилось менять и места жительства, и места работы, и круги и сферы общения, и профессиональную специализацию. Присмотревшись повнимательнее к жизни Чижевского, нетрудно заметить, что он был постоянно в пути, теряя на нем не только отдельные рукописи и работы, но и значительные части своей библиотеки и личного архива.

Следующая причина нереализованности многих творческих замыслов Чижевского — в новаторском, интердисциплинарном, компаративном характере его работ, которые по своему методу и содержанию зачастую значительно опережали свое время и только через многие годы становились понятными и «актуальными», а во время их создания, да и вообще при жизни автора, издателями, редакциями журналов и многими коллегами воспринимались как не представляющие серьезного интереса.

И наконец, есть еще одна причина нереализованности ряда творческих замыслов Чижевского. Связана она с трагичностью его судьбы как ученого и человека. Трагичность эта выражалась, между прочим, и в том, что, как талантливый и оригинальный философ (причем не только историк философии, но и философ-теоретик, занимавшийся теорией этики, онтологией, проблемами пространства и времени, проблемой данности феномена «общего» сознанию), как историк мистики и религиозных учений, Чижевский остался в общем и целом невостребованным и в среде эмиграции, и в академической среде стран его проживания. Именно бесперспективность философской карьеры приве-

дения рождения Дмитра Чижевського / Упор. О. Чуднов. Кіровоград, 1994. С. 31–34; Ульянкіна Т.И. Жизнь в изгнании: письма М.М. Новикову — бывшему ректору Московского университета [письма Чижевского Новикову: 4.4.; 18.4.; 2.6.1957] // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 134–135; Письмо Д.И. Чижевского Томасу Манну [27.10.1945] // Публ. В. Янцена // Записки Русской академической группы в США. 2003. Т. 32. С. 305–321; *Пшеничний Є., Янцен В.* Листування Дмитра Чижевського с Василем Сімовичем [1926–1937] // Славистика. Т. І. Дмитро Чижевський і світова славистика / Ред. Р. Мних, Є. Пшеничний. Дрогобич, 2003. С. 251–330; Янцен В. Неизвестное письмо Б.В. Яковенко к Д.И. Чижевскому (1934): к истории одного философского скандала // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 / Под ред. М.А. Колерова. М., 2004. [Т. 6.] С. 605–608; *Schifferová V.* Comeniana aus dem Nachlass von Dietrich Mahnke. Die Korrespondenz zwischen Dietrich Mahnke und Dmitrij Tschizewskij aus dem Jahre 1935 // Acta Comeniana. 2004. Nr. 18. S. 213–223; Янцен В. Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // Русский Берлин (1920–1945). Международный науч. конф. 16–18 дек. 2002 г. / Сост. М. Васильева, Л.С. Флейшман. М., 2006. С. 304–326; Янцен В. Российские ученики Э. Гуссерля из фрейбургской «Святой общины». Фрагменты переписки Д.И. Чижевского и Е.Д. Шора [1924–1933] // Логос. 2006. № 1 (52). С. 138–169; Из архива А.К. Случевской-Коростовец. Письма Д.И. Чижевского [1961 г.] / Публ. и коммент. И. Иванченко // НЖ. 2006. № 243. С. 164–168; *Магидова М., Янцен В.* Д.И. Чижевський: Письма А.Л. Бему (1925–1932). А.Л. Бем: Письмо Д.И. Чижевскому (1930) // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. С. 67–96; *Бердяев Н.А.* Письмо Д.И. Чижевскому / Публ. В. Янцена // НЖ. 2007. № 246. С. 212–216.

ла к тому, что Чижевский стал историком мысли и славистом, оставив нереализованными или на стадии первоначальной разработки свои интереснейшие замыслы в области теоретической философии.

Определение своеобразия творчества Чижевского облегчается тем обстоятельством, что он не писал случайных трудов¹⁰. Все они каким-то образом вписывались в более общий, так сказать стратегический, план его научно-исследовательской работы, который мог уточняться и конкретизироваться под влиянием внешних обстоятельств или в связи с открытием новых источников, но по своей структуре оставаться более или менее постоянным.

Основными темами этого общего плана, к исследованию которых Чижевский приступил сразу же по завершении обучения философии в Германии в 1924 г., были сравнительная история философии славянских народов и сравнительная история славянских литератур.

Методологическим новшеством, которое он внес в исследование этих обширных областей, было их изучение, во-первых, в традициях гегельянства в неразрывном единстве и, во-вторых, на базе компаративного и интердисциплинарного подходов, обогащенных затем техникой формально-стилистического и структурного анализа¹¹.

В ходе продвижения работ по этим основным темам возникла третья, относительно самостоятельная и значительная область трудов Чижевского: германославика, или изучение взаимовлияний немецкой и славянской мысли.

Нетрудно заметить, что это был план создания сравнительной истории философии, литературы и религиозной мысли славянских народов. В нем ключ к пониманию структуры и генезиса творчества Д.И. Чижевского.

Все его печатные работы и нереализованные замыслы прекрасно укладываются в схему этого плана, за исключением трех работ, посвященных собственно теоретической философии: речь идет об учебнике «Логика» (1924), статье «Фонология и психология» (1931), посвященной проблемам философии языка, и незавершенной магистерской диссертации «О формализме в

¹⁰ «Мои разнообразные печатные труды не затрагивают случайных тем, наоборот, почти все они опираются на определенный план», — пишет он в июне 1945 г., давая затем и полное содержание этого плана (см.: *Pritsak O., Ševčenko I. Dmytro Čyževs'kyj, in memoriam* (23 March 1894 — 18 April 1977). *Addendum* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1977. Vol. 1. № 3. P. 402). «Еще в 1921 году я составил в Гейдельберге список запланированных мной работ, из которых, как это ни странно, на сегодняшний день почти все уже либо опубликованы, либо подготовлены к печати», — подводит он промежуточный итог своей научной деятельности в 1962 г. (см.: *Tschizewskij D. Antrittsrede* // *Jahrbuch der Heidelberger Akademie der Wissenschaften*. Heidelberg, 1962/3. S. 61).

¹¹ Энциклопедический универсализм Чижевского состоял, между прочим, и в том, что для него не существовало непреодоленных границ между различными сферами культуры и разными научными дисциплинами. При желании можно было бы составить длинный каталог понятий и методов, перенесенных Д.И. Чижевским из естественных наук в гуманитарные, из истории литературы, богословия и искусства в историю философии, из лингвистики в литературоведение и т.д. Например, плодотворным новшеством его историко-философских работ стали понятия «стиль философствования», «стиль мысли», «стиль философского направления», имевшие явно искусствоведческое происхождение. А корни успешно применявшегося им еще в 20-е гг. прошлого века понятия «структура», ставшего затем одним из центральных понятий естествознания и гуманитарных наук XX столетия, легко обнаружить в мистической традиции, фиксированной на визуальных образах.

этике» (1927–1931), в которой он предполагал изложить свою оригинальную философскую систему, соединив традиции гегельянства, феноменологии и разработки этической проблематики в русской философии и классической русской литературе.

Судьба этой главной философской работы Чижевского трагикомична. Из его писем Г.В. Флоровскому за 1926–1931 гг. выясняется, что Чижевский уже сдал часть магистерских экзаменов, но в конце 1927 г. материалы к диссертации у него украли в поезде, и вполне возможно, что это происшествие (комичное только в том смысле, что вор, конечно, ожидал увидеть в тяжелом чемодане Чижевского все что угодно, только не философские рукописи...) ¹², наряду с габилитацией Чижевского в Украинском высшем педагогическом институте им. М. Драгоманова в Праге (на основе работы «Гегель и французская революция», 1927) и назначением его профессором философии этого института, сделало ненужной защиту его магистерской диссертации по философии в Русском научном институте в Берлине. Оставшиеся у него подготовительные материалы Чижевский решил использовать для переработки диссертации в книгу «О формализме в этике», которую предложил для публикации издательству «Современные записки». Об этом он пишет в письме Г.В. Флоровскому от 20 января 1930 г.: «Для русского “Формализма в этике” безуспешно ищу издателя... “Современные записки” (издательство) почти что отказало, — во всяком случае, их условия меня не привлекают» ¹³.

Эта большая работа так и не была завершена, но Чижевскому удалось опубликовать из нее отдельные статьи ¹⁴. В книге «Неизвестный Чижевский» по этим статьям и сохранившимся в личном архиве Чижевского рукописям предпринята попытка реконструкции плана и структуры этого нереализованного замысла, который показывает его как вполне самостоятельного и оригинального философа-систематика. Не вдаваясь в детали содержания этого замысла, укажем лишь на то, что в своей философской системе Чижевскому удалось соединить онтологию с этикой и продемонстрировать единство этих дисциплин на примере проблемы двойника и двойничества в произведениях Достоевского. Эта система была ответом Чижевского на «Бытие и время» (1927) М. Хайдеггера и на книги М. Шелера «Формализм в этике и материальная эти-

¹² 19 ноября 1927 г. Чижевский сообщает Г.В. Флоровскому: «Я до 20.X пробыл в Германии. Много поработал. К сожалению, часть рукописей у меня по дороге украли. Придется многое переделывать вторично, а — в частности — отложить 2-ую половину магистерского экзамена до весны» (см.: Princeton Library. Georges Florovsky papers. Series 2: Correspondence. Box 12. F. 11).

¹³ Там же.

¹⁴ Чижевский Д.И. Проблема формальной этики // Философское Общество в Праге 1927–8 / Сост. Д. Чижевский. Прага, 1928; *Он же*. Этика и логика. К вопросу о преодолении этического «формализма» // Труды Русского народного университета. Прага, 1931. Т. 4. С. (50)222–(68)240; *Он же*. Представитель, знак, понятие, символ. (Из книги о формальной этике) // Философское общество в Праге 1927–8 / Сост. Д. Чижевский. Прага, 1928. С. 20–24; *Он же*. О формализме в этике. Заметки о современном кризисе этической теории // Труды Русского народного университета. Прага, 1928. Т. 1. С. 195–209; *Он же*. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском: Сборник статей / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. С. 9–38; *Он же*. Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij. Versuch einer philosophischen Interpretation // Dostojewskij-Studien / Gesammelt und hrsg. von D. Čiževskij. Reichenberg, 1931. S. 19–50.

ка ценностей» (1913, 1916) и «Сущность и формы симпатии» (1913, 1923). Но у Чижевского сухие и до сих пор малопонятные обычному читателю категории «Бытия и времени» были переведены на вполне доступный обычному читателю язык героев Достоевского, а философская теория теснейшим образом связана с литературоведением.

Сотрудничество Чижевского с «Современными записками»

Из всего вышеизложенного становится очевидным, что сотрудничество Д.И. Чижевского с СЗ интересно не только как факт истории этого журнала или сюжет из его биографии (вопросы такого рода тоже, конечно, заслуживают самого пристального изучения, в частности, вопрос о том, каким виделся редакторам СЗ философский отдел журнала, какие еще направления русской философии, помимо феноменологического, были представлены на страницах журнала, интересен и вопрос о персональных отношениях и параллелях, духовной близости и отталкиваниях отдельных сотрудников журнала и редакции, в связи с которым бросается в глаза однозначно негативное отношение Чижевского к опубликованным на страницах СЗ работам Л.И. Шестова, доходящее до упрека в «полном отсутствии мысли»¹⁵, а также взаимная антипатия между Чижевским и Вишняком). Более важной нам представляется возможность получить какую-то дополнительную информацию в опубликованных в этом журнале философских работах «раннего» Чижевского о его философской системе, отыскать какие-то ее следы и отражения или хотя бы упоминания.

К сожалению, ответ на этот вопрос пока в основном негативен. Кроме вышеупомянутой существенной информации из письма Г.В. Флоровскому о том, что Чижевский предлагал издательству «Современные записки» свою книгу «О формализме в этике» и не был удовлетворен предложенными ему условиями, никаких иных упоминаний этого философского труда Чижевского найти в редакционной переписке не удалось. Тем не менее в его статьях, обзорах и рецензиях, опубликованных с 1923 по 1939 г. в СЗ в основном под псевдонимом П. Прокофьев или криптонимом П.П., содержится богатая информация о книгах, посвященных междисциплинарным темам, важным как для истории литературы, так и для истории философии, о русской философии вообще и ее связях с западноевропейской, о русской философии в эмиграции и в СССР, но главное — о его собственных методологических воззрениях на историю русской мысли. Поскольку замысел еще одной книги Чижевского под названием «История русской мысли» тоже остался нереализованным в том

¹⁵ Это отрицание Чижевским работ Шестова тем более удивительно, что на страницах СЗ последний опубликовал не только свои афористические эссе, но и статью «Что такое истина? (Об этике и онтологии)» (СЗ. 1927. № 30. С. 286–326), являвшуюся ответом на критику учеником Э. Гуссерля Ж. Херингом разбора теории познания Гуссерля в книге Шестова «Власть ключей» и тематически перекликавшуюся с темой магистерской диссертации Чижевского.

виде, в каком она была задумана в начале 1930-х гг., эти статьи и рецензии, наряду с перепиской Чижевского, являются ценным источником по данному вопросу.

Кроме Чижевского, на философские темы в СЗ писали Н.А. Бердяев, П.М. Бицилли, С.Н. Булгаков, В.В. Вейдле, Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, Г.Д. Гурвич, В.В. Зеньковский, Л.П. Карсавин, Г.Л. Ловцкий, Н.О. Лосский, С.В. Лурье, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский. Но в рубрике обзоров и рецензий по философии он доминировал однозначно. До 1927 г. Чижевский вообще публиковал в СЗ только рецензии. А в 1927 г. впервые выступил и в рубрике «Культура и жизнь» (под псевдонимом П. Прокофьев), опубликовав там свою статью ««Советская» философия», положившую начало его знаменитой «трилогии» (««Советская» философия», «Философские искания в Советской России» и «Кризис советской философии»)¹⁶. Если повнимательнее вчитаться в эту трилогию, вполне заслуживающую общего названия «Феноменология философии в Советской России», то окажется, что она является не чем иным, как ответом Г.Г. Шпету. Ответом на завуалированный в его «Очерке развития русской философии» (1922) вызов советской философии (истолкованный Чижевским как «памфлет»¹⁷) и прямым договариванием того, что

¹⁶ Д.И. Чижевский был лично знаком, состоял в переписке и обменивался публикациями с академиком В.И. Вернадским во время его зарубежных командировок. Вот что пишет он ему по поводу своей «трилогии», вероятно, отвечая на совет познаться с какими-то советскими работами: «За советским «диалектическим материализмом» я следил довольно внимательно. К сожалению, статьи, которые я о нем напечатал (в «Современных записках», томы 33, 37, 43), носят несколько слишком полемический характер (оттисков у меня нет)...» (Bakhtmeteff Archive. V. and G. Vernadsky papers).

¹⁷ Этот сюжет находит весьма интересное освещение в письме Д.И. Чижевского Ф.А. Степуну от 1 июля 1944 года: «Шпетовский Герцен у меня есть, и я Вам его охотно с оказией пришло. Но книга в совсем другом стиле, чем «Очерки»: Герцен рассмотрен как *чистый* философ, с полным игнорированием всего «мировоззрительного» и всей личности Герцена. Книга вышла полезная, но скучная. Между тем как очерки — книга интересная, но вредная: вредная прежде всего своей полной ошибочностью! Это памфлет против советской философии, одетый в форму ист<ории> русской мысли (почему вообще «мысли»? по содержанию следовало бы назвать «бесмыслия», или лучше «без-мыслия»). Бема брошюра совсем плоха (главное, незнанием материала). Но ее устремление — доказательство христианской *образованности* древней Руси, конечно, правильное доказательство «невегласия» у Шпета. Старые русские переводы отцов церкви — вовсе не из легких — вполне осмысленны и содержательны! Ареопагитики переведены прекрасно (хотя и не в России, а на Балканах). Может быть, и примитивные мысли старой русской проповеди — вполне прозрачны и осмысленны. Почти нет *чисто* философских тем, но их и не могло быть тогда в литературе на не-ученом (не греч<еском> и лат<инском> языке). Еще более несправедливо освещение филос<офского> обучения в Киеве и Москве в 17–18 вв. Здесь Шпет просто блещет *незнанием* предмета: таким образом, его книга сама — пример не критического (и неисторического) рационализма! Значительно выше всего этого брызжания соответственные страницы в «Судьбах русского богословия» Флоровского.

Как я сказал уже — книга о Герцене (в 100 стр.) — совсем иного стиля, но также вполне отвергает все не «научнообразно-философское», а научнообразное (рассмотренное и в моей книге о Гегеле в России) — вообще, хотя и интересно, но на поверхности философской личности Герцена, и притом только для юного Герцена имеет какое-то *существенное* значение. История русской философии у Шпета почему-то история *прослочных* дорог русской мысли, а столбовые остаются без рассмотрения и даже без упоминания (я, кстати, писал о книге в «Совр<еменных> записках» — не помню как, но, во всяком случае, в этом же духе — может быть, посмотрите рецензию, — тогда я писал, а «С<овременные> записки») печатали еще весьма обстоятельные рецензии по 6–8 страниц петита). Когда я получил книгу Шпета, я был поражен сходством моих оценок тогдашней (до 1924 г.) русской современности с его оценками (как «просвещения»), — очевидно, предпосылки — «феноменология» — у нас были общие, но освещение его меня совершенно не удовлетворило. С того времени у меня собралась масса мате-

сам Шпет, живя в Советской России, уже не мог сказать открыто. И в этих статьях, где, кстати, содержится первое компетентное, обстоятельное и очень доброжелательное обсуждение почти всех ранних работ А.Ф. Лосева в эмигрантской прессе, Чижевский активно пользуется феноменологической и экзистенциалистской терминологией, выработанной им в ходе работы над книгой «О формализме в этике». Не скрывает он и своей принадлежности к феноменологическому и структуралистскому направлению.

К сожалению, переписка Д.И. Чижевского с членами редакции СЗ сохранилась не полностью: для постоянного сотрудника журнала с 1923 по 1939 г. и автора 26 публикаций четыре сохранившихся в архиве редакции его письма за 1928 и 1938 гг., конечно, являются лишь незначительным фрагментом действительно ведшейся между ними переписки. Правда, этот факт может иметь и иное объяснение: значительную часть своей переписки с редакцией Чижевский мог вести через своего друга Ф.А. Степуна. Косвенно это предположение подтверждается внутрив редакционной перепиской, в которой Степун неоднократно выступал в защиту публикаций Чижевского в журнале. Из ответных писем редакции в личном архиве Чижевского в Галле, охватывающем материалы с 1921 по 1945 г., удалось отыскать только восемь писем И.И. Бунакова-Фондаминского за 1930, 1932 и 1938 гг.

При комментировании этой переписки мы имели возможность использовать подборку номеров и оттисков СЗ со всеми публикациями Чижевского из его личной библиотеки, часть которой сейчас хранится в нашем собрании чижевскианы. В этих источниках весьма существенны его рукописные исправления и добавления. В комментариях и примечаниях к письмам Чижевского редакции использованы также все известные нам упоминания СЗ из переписки Чижевского с третьими лицами («архив эпохи») и из позднейших переводов статей Чижевского на другие языки.

Например, история создания и публикации статьи «О «Шинели» Гоголя», написанной в стиле зарождавшегося тогда структурализма, уточняется в письмах и воспоминаниях Чижевского. Так, в письме А.Л. Бему от 23 мая 1936 г. он сообщает:

Я сейчас — в связи со своим семинаром — занят Гоголем. У Фасмера появляются четыре галльских работы о Гоголе. Я только что закончил статью о «Шинели», как кажется, с совершенно новой точки зрения. Намечается статья о чер-

---

риала, совершенно подрывающего всю концепцию Шпета. Вообще, я против меряния философской культуры по «генералам», «генералы» в духовной области — явление случайное и бывают генералы без армий и армии без генералов. В России были (бывали) если и не армии, то, во всяком случае, энергичные отдельные отряды, и если не нашлось «генералов», то это такая же случайность, как, например, отсутствие генералов в английском платонизме 17 в., в значительной степени определившем собою такого генерал-фельдмаршала, как Лейбниц, вообще целиком выросшего из не-немецких корней. Впрочем, в истории русской философии очень многое надо еще пересмотреть: я начал писать когда-то для Фасмера (издававшего полезный «Гандбук») историю философии у славян в отдельных томках — там было бы много нового, но издание прекратилось и книга не кончилась. А печатать ее на неудобочитаемом языке, вроде чешского, вряд ли полезно» (Yale University Library, New Haven. Fedor Stepun papers. Gen. Mss 172. Box 34. F. 1170).

те у Гоголя и о «Невском проспекте» <...> «Шинель» появится также у Фасмера (я читал эту статью недавно у него в Институте в качестве лекции)¹⁸.

В написанных им незадолго до смерти «Пражских воспоминаниях» тоже идет речь об этой статье:

В это время в Германии произошли различные политические события и Чехословакия была оккупирована. Трубецкой потерял свою кафедру. Между прочим, в 1935 году я написал для его юбилейного сборника, по-моему, чисто формалистическую статью о «Шинели» Гоголя. К сожалению, опубликована она была в другом месте – в «Zeitschrift für sl<avische> Phil<ologie>», затем – по-русски, а формально последний вариант ее вышел лишь после войны по-английски в сборнике «знаменитых» статей о Гоголе, где, как это ни парадоксально, за основу был взят не совсем аутентичный русский ее вариант¹⁹.

Правда, в русском переводе (в «Современных записках», кн. 67, 1938) текст моей статьи был «улучшен» и подвергнут идеологической цензуре, поскольку просвещенная редакция не верила в существование черта. То, что один из редакторов до сих пор не может понять моего возмущения такой цензурой, показывает, что у него совершенно иное представление о свободе выражения мнения, чем у меня. «Улучшила» редакция и одну рифмованную цитату путем уничтожения рифмы²⁰.

Эти цитаты демонстрируют непростые отношения редакции СЗ с авторами философского отдела, что, кстати, подтверждается и воспоминаниями М.В. Вишняка, в частности в отношении Г.В. Флоровского. Но все же ретроспективно можно сделать вывод, что благодаря СЗ для истории русской мысли были сохранены многие тексты, автографы которых сегодня считаются безвозвратно утраченными (в том числе части магистерской диссертации Г.В. Флоровского о Герцене и русский вариант статьи Чижевского «О «Шинели» Гоголя»).

¹⁸ LA PNP. Фонд А.Л. Бема.

¹⁹ Чижевский Д.И. Пражские воспоминания (1976) / Перевод, коммент. и примеч. В. Янцена // Русское зарубежье: приглашение к диалогу / Под ред. Л.В. Сыроватко. Калининград, 2004. С. 239.

²⁰ Tschizewskij D. Zur Komposition von Gogol's «Mantel». In: Gogol'–Turgenev–Dostoevskij–Tolstoj / Hrsg. D. Tschizewskij. München, 1966. S. 124. Anm. 1.